
Евгений ПОПОВ

* * *

Бесслезный жаворонок швейная машинка,
Швея Наташа нам видна с затылка.
Светло в подвале. Рынок шевелится.
Мерцают лампы, и мгновенье длится.

Равненье на прилавок! Ходим строим.
Кто в одиночку, кто вдвоем, а Зоя
Стоит перед витриной ширпотреба.
Как памятник стоит Борису с Глебом.

* * *

Мир держится неведомо на чем.
На воле человека. Божьей воле.
На доброй воле. Каждая — по доле.
Возможно, что и на борьбе за мир.

Мир держится на ниточке ручья.
На родниковом и песчаном пульсе.
Скользит волнистая и плавная змея.
Любуйся, наблюдай и не сутулься.

* * *

Он вытянулся, как растение,
Он тело вытянул из тени,
Он двери распахнул светло.
И выбежало всё нутро.

Как будто ласточка влетела, —
Ты так бежала, словно тема
Из Моцарта, хотя толпа плыла.

Но раковина станции была
С жемчужинкой.

Евгений Александрович Попов — автор пяти книг: четырех поэтических («Птицы в городе», «Сильное небо», «Западно-восточный ветер», «Памятник тяжелой волне») и одной прозаической («Четырехгорка»). Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Как бы ты, друг, ни вертел хвостом, Крутится жизнь на ходу холостом. Хоть и наставлены всюду ворота, Их открывать никому неохота.	Впрочем, еще подождем. Приглядимся. Время придет — мы туда постучимся. Или взломаем замки, Пусть и хитры, и крепки.
--	--

Ты посмотри: на широком экране
Люди-свидетели, будто бы в бане, —
Будто прошел их рентген,
А под окном — Диоген.

* * *

Шепоты в ночи. Холодильник-айсберг.
Он живой и хранит чудеса.
Теперь помолчим. Он ведь не заперт.
А там белое вино, водка и колбаса.

Хорошо. Телевизор молчит.
Я убил его кнопкой.
Сотовый хрюкнул. Но я и его,
Пальчиком одним, как мачо,
Чтоб рожи не корчил.
А он, как поплавок —
Еще и еще.

Я подумал, что палец —
Это курсор по жизни,
То туда его сунешь, то сюда.
А вот если начинаешь им
Подолгу ковырять свои укоризны —
Беда.

Что, подруга?
Хоть мы и надоели друг другу,
Но подсветка от нас идет,
Нам есть еще что
Рассказать людей лугу,
И полю людей,
И небу людей.
На досуге
Будут ломать головы
От наших затей.

Еще по сто...
А теперь спать и проснуться.
Завтра будет метель
И это хорошо.

Ветер — как кипяток.
Тебе — в экран уткнуться.
А я с метелью утром тему искать пошел.

* * *

Считают, сбиваясь со счета: какой наш Рим?
Считают, считают и вдруг начинают кричать: «Горим!»
Но те, кто внимает, опять продолжают считать.
Привычка? Придется счет сначала начать.

Возьми все, что можешь в своей душе унести:
Желание двигаться, бежать, созидать, грести —
Наше знамя. И тучу зажав в горсти,
Жди меня. А пока отпусти.

Я буду искать в этой ночной глубине
Посох, маяк, пристанище, даже во сне.
И наконец найду, потому что слаб,
Я сам бреду и тебя веду, потому что раб.

Рыбы-рабы Вселенную пересекут,
Выткнут, вытянут, выпестуют свой лоскут.
Ладушки бьют тревогу. А мы пока
Только и ждем попутного ветерка.

* * *

Так стеклянно, красиво летит самолет,
Так стеклянно, красиво летит.
Время тянется сладко-тягуче, как мед,
И в сосудах листва шелестит.

Государство сияния, светоч теней,
Водопады пахучей листвы.
Даже кажется, нет этой жизни родней,
То же, кажется, видите вы.

Наконец-то отмечена светом трава,
И замечены птиц облака.
Небосводом натянутая тетива, —
Не хватает простого мазка.

Самолет или месяц скользит и скользит,
Прибывает растущий лесок.
И на отмели белое солнце горит,
И шмеля нарастает басок.

И на тоненькой шейке поет голосок.